

*Аману,
ради которого я готова сносить
пару железных башмаков,
и Ниву,
чья дружба — самый редкий вид
волшебства*

МИФЫ — ЛИШЬ ЛОЖЬ,
ПУСТЬ ДАЖЕ ЛОЖЬ ПОСЕРЕБРЁННАЯ.

К. С. Льюис

ПРОЛОГ

Ты предупреждала меня, что, если я узнаю твою тайну, это нас уничтожит. Сначала она расположилась в нашем браке, словно синегубый призрак, едва заметный, если только игра света не привлекала к нему внимания. Но ты всегда могла понять, в какие дни тайна терзает мои мысли. Ты пыталась меня успокаивать. Гладила по лицу и прижимала мои пальцы к своему сердцу.

Говорила: «Если будешь совать нос не в своё дело — уничтожишь наш брак».

Но ты солгала, любовь моя.

Глава первая

ЖЕНИХ

Однажды давным-давно Индиго Максвелл-Кастеньяда нашла меня.

Долгое время я был потерян, и во тьме мне даже стало комфортно. Не думал, что кто-то сумеет меня выманить оттуда. Но Индиго была из тех созданий, что могут охотиться по одному лишь запаху, а зловоние моего отчаянного желания, должно быть, оставляло дразнящий флуоресцентный след.

До Индиго я избегал мест, где деньги скорее являлись пышным зрелищем, нежели средством оплаты. Места эти были слишком шумными и грубыми, такого я придерживался мнения — потрёпанные, но крепкие доспехи бедняка. В те дни я был беден, но обрёл богатый опыт, и на этом основании выступал приглашённым куратором в *L'Exposition Des Femmes Monstrueuses*. Выставка привела меня в Париж за чужие деньги и в конце концов — в Hôtel de Castañada.

Когда-то отель был королевскими апартаментами Людовика Четырнадцатого и Марии Антуанетты, а теперь входил в рейтинг лучших отелей мира. Сводчатый потолок — как мне сказали, реставрация подлинника фресок — всё так же изображал равнодушных мускулистых богов, возлежащих среди златобрюхих облаков.

Стены были увиты плющом, сквозь который скалящиеся лица каменных сатиров смотрели и тяжело дышали на гостей.

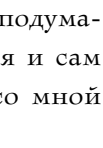
Всем известно, что каждый из отелей сети Casteñada был посвящён некоему сказочному мотиву. Я предполагал, что этот был данью уважения *La Belle et la Bête* — «Красавице и Чудовищу» — авторства Габриэль-Сюзанн Барбо де Вильнёв. И пусть мне не хотелось признавать, но было в нём что-то иномирное. Здесь было так прелестно, что я почти сумел игнорировать толпу моделей и диджеев, краснолицых бизнесменов и всех прочих блестяще одетых и кажущихся примитивными созданий, которых притягивали подобные места.

— Сэр? — Рядом возникла стройная темнокожая официантка. Вот уже второй раз она останавливалась у моего столика. Я выбрал сесть в самом конце зала, чтобы держать вход в поле зрения. — Вам точно ничего не принести?

Я глянул на меню рядом с беспорядочным ворохом записок, которые подготовил на вечер. Цена коктейлей начиналась от пятидесяти евро. Я улыбнулся официантке, поднимая наполовину опустошённый бокал с водой, и постучал по пустому блюду из-под бесплатных орехов со специями.

— Может, ещё порцию этого? — уточнил я. — Мой гость, должно быть, опаздывает.

Официантка выдавила лёгкую улыбку и удалилась, не обронив больше ни слова. Она наверняка подумала, что я солгал, сказав, что жду кого-то. Да я и сам не верил, что предполагаемый соблаговолит со мной встретиться.

После нескольких месяцев поисков гримуара тринадцатого века я нашёл зацепку, ведущую к частной коллекции семьи Кастеньяда. Поначалу мои просьбы взглянуть на экспонат оставались без ответа. Неудивительно. Я был хорошо известен в научных кругах как историк-медиевист, интересующийся сохранностью инкунабул¹. Мне было нечего терять, кроме времени. Потому я написал письмо, часами стоял у факса, отправляя его в офисы семьи Кастеньяда по всему миру. Потерял небольшое состояние на междугородных звонках, пока наконец не получил сообщение за неделю до моего отбытия в Париж.

«Можете встретиться со мной в отеле седьмого ноября. Восемь вечера.

И. М. К.»

И. М. К. Индиго Максвелл-Кастеньяда. Наследник состояния семьи Кастеньяда.

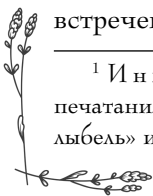
Я ничего о нём не знал и предпочёл бы, чтобы это так и оставалось. Никогда не понимал этого повышенного интереса к богатым и знаменитым и тому, чем они живут. Вся эта неприкрытая жажда их жизни, тихое изумление совпавшими датами дней рождения... Я предпочитал иные фантазии.

Я проверил часы: 8:45 вечера.

Может, он забыл о нашей договорённости? А может, уже пришёл и просто заканчивал с предыдущей встречей?

---

¹ И н к у н а б у л ы — книги, изданные в Европе на заре книгопечатания. С латыни само слово *incunabula* переводится как «колыбель» или «начало». (Здесь и далее — примечания переводчика.)

Я почувствовал на себе чей-то взгляд с другого конца зала. В двадцати футах сидела пара за отдельным огороженным столиком, похожим на золотую птичью клетку. Мужчина поймал мой взгляд и усмехнулся.

— Алмазный мартини для дамы! — воскликнул он, прищёлкнув пальцами.

У мужчины была копна жёлтых волос, а голова выглядела слишком тяжёлой для его шеи. Он отдалённо напоминал тающую свечу. Рядом с ним сидела женщина, пышная и чувственная, как храмовый рельеф.

Бармен подошёл к их огороженному столику, толкая перед собой стеклянную тележку с коктейльными принадлежностями, и тотчас же начал отмерять, разливать, трясти. За ним следовал темнокожий, строго одетый мужчина с бархатной шкатулкой. Ювелир. Мужчина открыл шкатулку, в которой обнаружилась целая россыпь бриллиантов.

— Выбери, — сказал женщине желтоволосый мужчина. — Бриллиант твой.

Женщина указала бледным пальцем на самый яркий бриллиант самого большого размера. Бармен протянул ювелиру холодный матовый бокал мартини, и тот бросил в напиток выбранный бриллиант. Камень утонул, словно упавшая звезда.

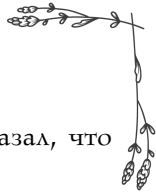
— À votre santé¹, — проговорил ювелир, когда бармен удалился, громяхая тележкой.

Женщина, всё ещё усмехаясь, подняла руку, словно собиралась выловить камень пальцами. Старик рядом с ней схватил её за запястье...

---

¹ Ваше здоровье (фр.).

— Я сказал, что бриллиант твой. Но не сказал, что ты можешь достать его из грёбаного бокала.

Она казалась уязвлённой, подняла взгляд на мужчину, сузив глаза.

— Я, чёрт возьми, серьёзен, — со смехом заявил он. — Если уж так сильно его хочешь — можешь покопаться в утреннем дерьме.

Женщину, очевидно, переполняло отвращение. На миг мне показалось, что она выплеснет напиток ему в лицо. Наши взгляды встретились через зал. Она осушила бокал одним глотком, вместе с бриллиантом. А потом вызывающе вздёрнула подбородок, и её взгляд был полон отвратительного узнавания: *«Ты — голодная добыча. Как и я»*.

Я хорошо это скрывал, но она была права: я всегда был голоден. Один миг либо безумия, либо тайны воплотил мою жизнь. И с тех самых пор я искал доказательства невозможного и посвятил всю жизнь выкармливанию этой страсти.

Веером я разложил страницы на мраморном столе, изучая свои записи для выступления на следующей неделе, посвящённого мифу о Мелюзине. На распечатке передо мной была изображена Мелюзина со спутанными волосами до пояса, крыльями летучей мыши и свёрнутым кольцами змеиным хвостом. Её руки были стиснуты в тихом ужасе, словно она цеплялась за последние осколки благородного изумления, прежде чем покинуть своего мужа за его предательство.

Мелюзина была известна благодаря труду Жана д'Арраса четырнадцатого века. В зависимости от первоисточника, она была кем-то вроде русалки или сирены. Однажды на лесной поляне её встретил дворянин и умо-

